

Руань И так и не смог переубедить Ли Кэ и остался ночевать у неё. На самом деле, с тех пор как вторая тётя забрала его от отца, он жил именно в этой трёхкомнатной квартире — вплоть до того момента, пока не поступил в среднюю школу с проживанием в пансионе.

Обстановка в его бывшей комнате почти не изменилась: та же кровать, тот же письменный стол. Открыв шкаф, он увидел аккуратно сложенные футболки и носки — ни намёка на затхлость. Вещи были мягкими, пышными и пахли той особенной свежестью, какую оставляет только недавняя сушка на солнце.

Ли Кэ, ухватившись за дверной косяк, наблюдала, как Руань И вытащил из стопки пару вещей и небрежно перекинул через запястье.

Казалось бы, совершенно обыденный жест, а со стороны выглядел словно ожившая картинка традиционной живописи: будто лунный свет тихо проливается сквозь сосновые ветви, а лёгкий ветерок касается сердца, принося умиротворение и покой.

— Брат, а у вас в классе есть девчонки, которым ты нравишься? Ну, которые за тобой бегают?
— не удержалась Ли Кэ.

— Нет.

— Да ну, не верю! — пробурчала она. — А в других классах?

Перед глазами Руань И вдруг возник образ Лу Бинчэня. Замешкавшись на мгновение, он опустил взгляд:

— Нет. А что, за тобой кто-то ухаживает?

Ли Кэ моментально переключилась:

— Да есть один... Только это так, глупости. Сам по английскому двойки получает, а любовное послание приноровился написать на двух языках, параллельным текстом! Скажи же, полнейший кринж?

Любовное письмо.

Руань И вспомнил, как в прошлой жизни тоже писал письмо Лу Бинчэню. Они тогда только начали встречаться, и приближался день рождения Бинчэня. Не зная, что подарить, Руань И спросил его напрямую, и тот попросил написать любовное признание. Руань И отродясь не сочинял ничего чувствительного и думал, что просидит над бумагой до самого утра, грызя колпачок ручки. Но едва перо коснулось листа, слова потекли сами собой — без лишних раздумий он накатал целых три тысячи иероглифов.

Многие формулировки оттуда сейчас казались смешными и наивными.

Руань И усмехнулся:

— И впрямь кринж.

Приняв душ, Руань И вышел из ванной и увидел на экране телефона пропущенный вызов от Лу Бинчэня.

Квартира второй тётки находилась на седьмом этаже — самом верхнем в этом доме. В каждой комнате были довольно широкие подоконники. Руань И запрыгнул на один из них и прислонился спиной к окну, согнув одну ногу. В детстве он обожал так сидеть, но теперь, когда он вырос, подоконник стал тесноват: поместиться целиком уже не получалось, поэтому вторую ногу пришлось оставить свешенной наружу.

Посидев полчаса на прохладном сквозняке, он поддался порыву, взял телефон и перезвонил Лу Бинчэню.

Гудки шли всего пару секунд, прежде чем тот снял трубку:

— Поздно уже, почему не спишь?

Поздно? Руань И даже не заметил, сколько времени. Он медленно моргнул, совершенно не понимая, что сказать.

Но и сбрасывать не стал.

Помолчав немного, Лу Бинчэнь спросил тише:

— Что случилось? Скверно на душе?

Этот человек всегда отличался поразительной чуткостью.

Руань И подумал: должно быть, сегодня его всё-таки зацепила история с Лян Юем.

Те люди и события, о которых он изо всех сил пытался не думать, которые считал давно забытыми... Они никуда не исчезли.

Вдруг его накрыло сомнение в самом себе. Он и сам не смог бы объяснить, в чём именно сомневается, но это смутное недоверие к себе и глухая досада давили на грудь так тяжело, словно в лёгких катастрофически не хватало воздуха.

Руань И насупился, сжав телефон сильнее, но по-прежнему молчал.

Лу Бинчэнь, немного подумав, снял со стены гуцинь, небрежно тронул струны, подстраивая тон, а затем положил телефон на подставку и тихо хмыкнул:

— Ладно, так и быть, потешу тебя своим искусством.

И раздались неторопливые, глубокие звуки циня.

Руань И никогда не обучался музыке и не разгадал бы тонкостей техники или теории, но ощутил: в этой музыке звучала невероятная свобода. В ней не было ни бурной страсти, ни наигранного бесстрастия — лишь нечто, подобное капле воды или порыву ветра. Музыка текла, меняла направление, проникала в горные ущелья, не становясь от этого зажатой, и выливалась на бескрайние просторы морей, не теряя своей сущности. Каким бы ни был путь — гладким или тернистым, добрым или суровым, — само существо этой мелодии оставалось неизменным.

И эта истинность, перекликаясь с простым мотивом и лёгким ритмом, закружилась в воздухе, постепенно кристаллизуясь в абсолютную, непреклонную уверенность.

Руань И невольно почувствовал, как душевные раны внутри него затягиваются.

Он сидел словно в забытьи и даже не заметил, когда музыка смолкла.

— Игре на гуцине меня учил сам дедушка. Даже у брата в своё время не было такой привилегии, — со слабым смешком проговорил Лу Бинчэнь. — Ну как?

— Очень хорошо, — тихо ответил Руань И, прикрыв глаза. — Спасибо.

— И это всё? Просто «спасибо»? — усмехнулся Бинчэнь. — Не пойдёт, слишком сухо. Я предпочитаю более ощутимую благодарность.

Руань И сделал вид, что ослышался, обменялся с ним ещё парой невзначай брошенных фраз и сбросил вызов.

С его места открывался вид на небольшой дворик, залитый лунным светом. Это пространство напоминало традиционный внутренний колодец-тяньцзин: густые тени от листвы накладывались друг на друга пластами, плавно покачиваясь от ночного ветра в каком-то замороженном ритме.

Посмотрев вниз некоторое время, Руань И закрыл глаза и откинулся назад.

Быть может, оттого, что финал их прошлой жизни вышел до уродства тягостным, он совсем забыл, почему вообще когда-то вспылал к этому человеку чувствами.

Но теперь, размышляя об этом, он понимал: в его любви к Лу Бинчэню не было ничего удивительного. Когда тот, с его пронизательным умом, мгновенно подмечал чужую уязвимость и подбирал единственно верные слова для утешения, да ещё и проявлял хотя бы каплю нежности... юный, неопытный Руань И просто не имел шансов устоять.

Вторая тётя вернулась на следующий день к обеду.

Едва переступив порог и увидев Руань И, она тут же достала телефон и заказала огромную порцию раков и целую гору шашлычков.

— Такую еду часто уминать вредно, но изредка можно себя побаловать, — проговорила Лян Минь, скручивая раку голову. — Хозяин этого заведения — мой одноклассник по средней школе, у них это семейный бизнес. Когда мы ещё учились, его родители держали лавку аккурат возле школы. У своих всё всегда чистое и свежее: дохлятину не подмешают, да и на начинке не экономят — не то что в других местах, где на тарелку огурцов сверху кинут три рака для вида.

Ли Кэ, жуя бараний шашлычок, поинтересовалась:

— Мам, а почему чесночные стрелки не заказала?

Лян Минь строго на неё посмотрела:

— Я тебе репетитора наняла, после обеда придёт заставлять тебя учиться. Хочешь дышать на человека чесноком?

Ли Кэ вытаращила глаза:

— Какого ещё репетитора?

— По физике. У вас ведь во втором классе средней школы как раз начался этот предмет? Вот я и нашла преподавателя по фамилии Линь, пусть подтянет тебя по программе, — Лян Минь бросила очищенного рака в пиалу Руань И и снова повернулась к дочери: — Училась бы ты как твой брат, мне бы не пришлось так жилы рвать!

Ли Кэ отвернулась и принялась отчаянно и беззвучно артикулировать братцу: «Брат! Спаси!»

Руань И сдержанно кашлянул:

— Вторая тётя, у меня как раз свободен сегодняшний день. Может, я тоже посижу на занятии, послушаю?

— Отличная идея! — Лян Минь не заметила активной мимики дочери и оживилась. — Руань И, ты как раз оценишь, насколько грамотно репетитор подаёт материал. Сегодня всё равно пробный урок, так что если не понравится — поищу другого.

— Договорились.

Вторая тётя условилась с преподавателем на три часа дня. Руань И усадил Ли Кэ на стул и строго предупредил:

— Сразу уговоримся: я буду беспристрастен. Если учитель окажется хорошим, я скажу тёте правду.

— Да без проблем! — расхохоталась Ли Кэ. — Только знаешь, брат... Шанс, что этот репетитор тебе угодит, примерно такой же, как выиграть ещё одну бутылку по крышке от газировки, не думаешь?

В средней школе Руань И постоянно игнорировал объяснения учителей на уроках и занимался своими делами. Поначалу Лян Минь без конца вызывали в школу. Когда она пыталась выяснить причину, Руань И спокойно отвечал: преподаватели разжёвывают материал слишком медленно, а их логические цепочки уступают его собственным. Со временем, когда его успеваемость ушла в недостижимый отрыв по всем предметам, учителя смирились и просто оставили его в покое.

Ли Кэ с хихиканьем подтолкнула Руань И к соседнему стулу:

— Ну давай, слушай внимательно!

В этот момент раздалась трель дверного звонка.

Руань И пошёл открывать.

Он никак не ожидал увидеть на пороге Линь Хэлая.

Репетитор, которого вторая тётя наняла для Ли Кэ... это Линь Хэлай?!

... Как бы там ни было, тётя ни за что не наняла бы для дочери десятиклассника.

Если только сам Линь Хэлай не прибавил себе возраст.

Линь Хэлай замер у двери, вытянувшись в струнку и не в силах шевельнуться.

Руань И отступил в сторону, пропуская его внутрь:

— Вы... учитель Линь?

Линь Хэлай кивнул, совершенно не смея поднять глаз на Руань И:

— Я...

— Ли Кэ, вымой для учителя фрукты.

Он налил Линь Хэлаю чашку пуэра и провёл его в кабинет:

— Занятие будет проходить здесь.

— А, да... хорошо, — Линь Хэлай крепче сжал чашку.

Заметив, как у того вспыхнули мочки ушей, Руань И с улыбкой произнёс:

— Излагай спокойно, а я пойду посижу снаружи.

— Не нужно! — Линь Хэлай резко схватил его за рукав, но тут же отдёрнул руку, словно обожгшись. — Правда, не стоит. Оставайся здесь. Родители почти всегда присутствуют на первом уроке. Я... со мной всё в порядке.

Последние слова прозвучали так тихо, что едва ли их можно было расслышать.

В этот момент Ли Кэ внесла нарезанные фрукты и с милой улыбкой поставила тарелку возле Линь Хэлая.

Руань И отошёл в неприметный уголок кабинета и присел.

Линь Хэлай подготовился на совесть: объяснял толково и последовательно. Школьный курс физики делился на разделы — акустику, оптику, термодинамику, механику и электричество. Быстро пробежавшись по каждому из них, он перешёл к систематизации материала за седьмой класс.

По завершении первого часа Руань И вытащил телефон и черкнул Ли Кэ сообщение:

[А по-моему, очень недурно.]

□Like□: [Угу, мне тоже зашло!]

□Like□: [Он такой лапочка! (хе-хе)]

Руань И: [...]

Когда двухчасовое занятие подошло к концу, Линь Хэлай собрался уходить. Руань И накинул рюкзак на плечо и вышел вместе с ним.

Небо заволокло свирепой синевой, явственно предвещая ливень. Назад до школы они добирались одним автобусом, а когда вышли на остановке, порывы ветра уже валили с ног, а первые плотные струи дождя с таким грохотом рушились на асфальт, что заглушали раскаты грома.

Руань И раскрыл зонт и накрыл им обоих:

— Без зонта? Пойдём, я провожу тебя до общежития.

Линь Хэлай в замешательстве бросил на него взгляд:

— Не надо. Возвращайся домой, а мне тут добежать — пару минут, даже промокнуть не успею.

Проливной дождь превратил пространство вокруг зонта в плотную водяную завесу — потоки не стекали капля за каплей, а буквально обрушивались стеной. Руань И повернулся к нему и выразительно посмотрел на него взглядом, в котором читалось: «Ты шутишь?»

— Правда не надо, — Линь Хэлай упорно избегал его взгляда, однако в его голосе звучало странное упрямство. — Руань И, иди домой.

Здесь кроется какая-то тайна.

И тот явно не желал её раскрывать.

Руань И и сам недоумевал, с чего вдруг Линь Хэлай взялся за подработку репетитором. Помедлив секунду, он увлёк парня за собой под крышу стоящего неподалёку здания. В просторном холле толпились люди, спасавшиеся от ненастья. Руань И сложил зонт и спросил, глядя ему в лицо:

— В чём дело?

Взгляд Линь Хэлая дрогнул, он крепко закусил губу.

— Ты ведь живёшь в общежитии. Зачем тебе вдруг понадобилось заниматься репетиторством?

Линь Хэлай смущённо отвернулся, пытаясь уклониться от пристального взгляда.

Руань И заметил, что веки у него припухли, а под глазами залегли тёмные тени.

— Плохо спишь? — тихо спросил он. — Что происходит? В комнате что-то случилось?

Здание, где они укрылись, принадлежало Большому театру Янцина. Трёхэтажный комплекс отличался ультрасовременным дизайном с панорамными стеклянными фасадами. По этим прозрачным стенам сплошным потоком стекала вода, и тысячи извивающихся струй сплетались, точно лианы, образуя подобие гигантской клетки. Когда человек стоял внизу и смотрел вверх, его охватывал безотчётный трепет — словно у крошечного насекомого, запертого в ловушке.

Линь Хэлай еле слышно проговорил:

— Иногда, если я возвращаюсь поздно, дверь в комнату оказывается заперта изнутри, и я не могу войти. Я хочу съехать и снять жильё... А подработка нужна, чтобы накопить денег.

— Заперта? В котором часу ты...

Руань И осенило:

—... С кем ты живёшь в одной комнате?

Линь Хэлай, не поднимая головы, назвал три имени.

Все трое были из компании Братца Леопарда.

— Никакое это не «иногда». Сложись так пару раз случайно, ты бы не стал в такой спешке искать съёмную квартиру, — Руань И едва удерживал закипающий гнев. — И когда я предложил проводить тебя до общежития, ты отказался, потому что не хотел, чтобы я обо всём догадался?

Линь Хэлай пристально посмотрел на него. В этом взгляде мешались терпение, сложная гамма чувств, запрятанные глубоко признательность и вина — и промелькнувшее на миг растерянное недоумение. Он моргнул, заглушая в тёмных зрачках все эмоции, и тихо промолвил:

— Руань И, спасибо тебе. Но не вмешивайся в это, пожалуйста.

<http://bllate.org/book/20540/2131010>